

Среди книг

Издано
в СССР

ПОСЛЕДНИЙ РОМАН ФРАНСУА МОРИАКА

Франсуа Мориак. Подросток
былых времен. Роман. Перевод с
французского Р. Линцер. «Новый
мир», № 1, 1970.

... Вечером 31 августа 1970 года мы бродили по улицам Бордо, города, о котором Мориак писал: «Бордо — мое тело и моя душа. Его дома и улицы — события моей жизни». Пройдя Пассаж — там некогда помещалась книжная лавка, где торговала Мари, любовница Алена, мы свернули с ярко освещенной улицы Сент-Катрин и оказались в районе, который называют кварталом «буржуазии винной пробки». Это — квартал персонажей Мориака. Еще не поздно, но на темных улицах стояла полная тишина. Не было видно ни души. Можно подумать, что город вымер, если бы не узкие полоски света, пробивавшиеся сквозь плотно закрытые ставни. Забранные решетками окна, опущенные жалюзи, ставни, ставни без конца. За такими же вот ставнями вел дневник старый адвокат из романа «Клубок змей» и задыхалась Тереза Декейру. Отсюда лежит «дорога в никуда».

На следующий день, перед началом работы международного конгресса литературоведов, профессор Робер Эскарпи попросил почтить память Франсуа Мориака,

скончавшегося в ночь на 1 сентября. «В Бордо, — сказал Эскарпи, — мы повседневно чувствуем присутствие Мориака, последнего великого романиста поколения, уходящего со сцены».

Действительно, из жизни ушел большой французский романист.

Раскрывая «Подростка былых времен», самый молодой роман Мориака (опубликован в 1969 году, через шестьдесят лет после выхода в свет его первой книги), читатель погружается в привычную атмосферу произведений писателя. Как обычно, действие происходит на юго-западе Франции, в краю сосновых лесов и виноградников, в Бордо и его окрестностях. Возникают характерные для писателя образы, звучат издавна знакомые темы: поиски истинной веры; борьба духа с плотью; страдания неповинного ребенка. Две центральные фигуры — юный Ален и его мать, хозяйка поместья Мальтаверн. «Воспитание чувств» Алена (сначала в родовом имении, затем в Бордо, наконец, в Париже) протекает в сложном, мучительном противодействии, в конфликте, то потаенном, то открытом, с его матерью, конфликте неизбежном, ибо между ними «стояла собственность». Мать по-своему любит сына, но ей куда более мила ланда — две тысячи гектаров соснового леса, которые Ален унаследовал от отца.

Однажды в беседе с Франсуа Мориаком в декабре 1963 года речь зашла о его статье, посвященной памяти Роже Мартена дю Гара. Он расценивал «Семью Тибо» как «безапелляционное обвинительное заключение, предъявленное своему классу этим сыном крупной буржуазии». На мой вопрос, не могут ли быть отнесены эти слова к его собственному творчеству, Мориак ответил утвердительно «С той лишь разницей, — заметил он, — что Мартен дю Гар обвинял совершенно сознательно, а я просто описывал свою среду». Последней частью обвинительного акта Франсуа Мориака по делу

французской буржуазии и стала книга о подростке былых времен.

Итак, казалось бы, в романе этом все, как в прежних вещах Мориака. Но первое впечатление обманчиво. Старые темы звучат по-новому. Объясняется это, очевидно, автобиографическим характером произведения. Конечно, нельзя отождествлять Алена Гажака с Франсуа Мориаком. Но в образ Алена, более чем в какой-либо другой, писатель вложил частицу своего собственного «я». Личное, сугубо личное восприятие сочетается с той особой достоверностью, которая присуща документальной литературе. В результате получился удивительный сплав романа и мемуаров, поэзии и правды. Написан «Подросток былых времен» с неподдельным литературным блеском.

И снова Мориак заявил о себе как о продолжателе бальзаковской традиции. Пожалуй, ни один французский романист XX века не показал столь наглядно, до какой степени может быть страшна власть денег. Мир, что он описывал, был его собственным миром, и рисовал его Мориак не со стороны, а «изнутри», с испепеляющей ненавистью к одним, с чувством щемящей боли за сломанную, покалеченную жизнь других — будь то Мари, которая любит Алена, а выходит замуж за состоятельного старика, будь то малютка Сернис, зверски изнасилованная, убитая. Страдальческая боль за людей помогала реализму Мориака восторжествовать над его консервативными политическими взглядами. За верой в бога, а Мориак был ревностным католиком, у него таилась вера в человека. И в тяжкие дни испытаний, во времена фашистской оккупации, гуманизм писателя помог ему избрать верный путь.

В «Черной тетради», вышедшей под псевдонимом Форез в подпольном «Полночном издательстве», Мориак воздал должное своему народу, рабочему классу, единственному классу, который «в своей массе остался верен обманутой Франции». В 1943 году Мориак писал: «Мы верим, что человек не подвластен закону взаимного истребления и не просто ему не подвластен; все достоинство человека состоит в том сопротивлении, которое он, от всего сердца и всем своим разумом, этому закону оказывает».

Как художник, как исследователь человеческой души, бесстрашный, ни перед чем не останавливающийся, Мориак, подобно Роже Мартену дю Гару, опирался и на опыт своих любимых авторов — великих русских писателей. «Потребовался бы целый том, чтобы рассказать вам обо всем, чем я обязан Толстому и Достоевскому, разумеется, не меньше, чем Бальзаку. Что касается Чехова, которым я бесконечно восхищаюсь, то с его творчеством я познакомился значительно позднее. Особенно много думал я о нем, когда, лет около пятидесяти, я обратился к театру. Моей заветной мечтой, мечтой не сбывшейся, было проложить у нас дорогу к традиции Чехова. Я и до сих пор считаю, что это мог бы осуществить только романист» (из письма Ф. Мориака автору этих строк от 19 декабря 1967 года).

Несмотря на консерватизм политического мышления, набожность почти фанатическую, романист показал обреченность общества, где все может быть сведено к денежному расчету. «Франсуа Мориак — один из самых замечательных и едва ли не самый замечательный из современных французских писателей...» — говорил И. А. Бунин. Сказанные много лет тому назад, слова эти убедительно подтвердил и последний роман Мориака «Подросток былых времен».

Ф. НАРКИРЬЕР

ОБЫДЕННАЯ АМЕРИКА

Джон О'Хара. Жажда жить. Роман и рассказы. Перевод с английского. Предисловие А. Зверева. Редактор К. Федорова. Москва, «Прогресс», 1970. 349 стр.

Джон О'Хара не принадлежит к числу тех писателей, которых по достоинству оценивают лишь после смерти, с отдаленной исторической вышки. Слава пришла к нему с дебютом — роман «Свидание в Самарре» (1934) — и неизменно сопутствовала ему в течение трех с половиной десятков лет литературной жизни. Причины этой стабильной популярности объяснить как будто бы нетрудно. Во всех буквально своих сочинениях — а их, очень разноценных, у О'Хары накопилось немало — писатель непосредственно, всячески подчеркивая это, апеллирует к опыту «среднего» американца — такому, каков он есть сейчас, вот в этот момент, он буквально врывается своей прозой в повседневность быта. На это указывают уже самые зачины произведений О'Хары. В середине рассказа он может и сфальшивить, в финале позволить себе подчас голое назидание, но она, эта первая фраза, всегда выверена точно. «Ховард Эмбри остановился у ворот, высадил жену, потом отвел машину в гараж...»

